

враждебного людям банного духа — банника; 3) о применяемых в бане радикальных приемах народной медицины, напоминающих битье, избивание.

- ¹ См.: Мокшенико В. М. // Русская речь. 1974. № 6.
- ² См.: Байбури А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. М., 1983. С. 35—36.
- ³ См.: Будовская Е. Э. // Русская речь. 1990. № 4. С. 106.
- ⁴ Завойко Г. К. // Этнографическое обозрение. 1915. № 1—2. С. 113.
- ⁵ См.: Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. М., 1986. С. 115.
- ⁶ Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым. М., 1989. С. 80, 87.
- ⁷ См.: Байбури А. К. Указ. соч. С. 36; Никифоровский Н. Я. // Виленский временник. Вильно, 1907. Кн. II. С. 60.
- ⁸ Богатырев П. Г. // Этнографическое обозрение. 1916. № 3—4. С. 59.
- ⁹ Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1987. Т. 1. С. 162.
- ¹⁰ Завойко Г. К. // Этнографическое обозрение. 1914. № 3—4. С. 109.
- ¹¹ Будовская Е. Э. Указ. ст. С. 109, 107.
- ¹² Колпакова Н. П. У золотых родников: Записки фольклориста. М., 1975. С. 67.
- ¹³ Богданович А. Е. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов. Гродна, 1895. С. 148.
- ¹⁴ См.: Сказания русского народа... С. 277; Куличковский Г. Н. // Этнографическое обозрение. 1890. № 1. С. 47.

Л. Б. АДУЦКЕВИЧ

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА СЛОВА В ПРОЦЕССАХ ЕГО СЕМАТИЗАЦИИ

Воспринимая тексты на родном или неродном языке, человек встречается с неизвестными ему словами, в процессах семантизации которых работают два механизма: синтагматический и парадигматический. При синтагматическом поиске значения реципиент учитывает положение неизвестного слова в контексте, прежде всего, его грамматическую позицию и лексическую сочетаемость. В процессе парадигматической семантизации, которая является ведущей в случае недостаточности контекста, языковое сознание учитывает морфемно-словообразовательную структуру и фонетическую оформленность слова. В результате неизвестное реципиенту слово (обладающее для него пока только формой) сопоставляется с известными ему и по форме и по содержанию словами. Владение лексической системой языка включает понимание не только значений лексических единиц, но и значений слагаемых морфем, а также представления о правилах, по которым созданы и создаются слова, т. е. о действии и результатах действия словообразовательных моделей. Это позволяет предположить, что процесс парадигматической семантизации неизвестного слова зависит от того, как выражена семантика слова его структурой.

В настоящей работе показано, как при овладении неродным языком происходит парадигматическая семантизация неизвестного слова, в частности, как словообразовательная структура детерминирует процессы его семантизации. Исследование было осуществлено на основе психолингвистического эксперимента, так как в естественных условиях коммуникативной ситуации процесс семантизации, как правило, имплицитен и направляется факторами как парадигматического, так и синтагматического характера. Предполагалось, что на процесс семантизации оказывают влияние следующие морфемно-словообразовательные характеристики: 1) производность/непроизводность основы слова; 2) степень членимости основы; 3) фразеологичность семантики слова; 4) количество корневых морфем.

Релевантность для процессов семантизации производности/непроизводности основы слова определяется тем, что производное слово отличается от непроизводного как мотивированный знак от условного, а процесс усвоения значения слова зависит от наличия связи между планом выражения и планом содержания. Как указывает Ч. Дж. Филлмор, «не-

мотивированные слова в каком-то смысле «труднее», поскольку их приходится выучивать отдельно, тогда как мотивированные слова легче запоминать и понимать даже в тех случаях, когда их значение не «вычисляется» автоматически из значений их частей»¹.

Значимость для семантизации степени членимости слова определяется тем, что от ее характера зависит легкость, с какой слово распадается на значимые части. Исчисление возможных степеней членимости слова (для русского языка) было предложено М. В. Пановым². По его шкале слова, входящие в два ряда соотношений (с тем же корнем и с тем же аффиксом), имеют первую степень членимости; слова, входящие в один сопоставительный ряд, имеют вторую и третью степень членимости, если это ряд однокорневых слов (т. е. уникальным элементом является аффикс), и четвертую и пятую степень членимости, если это ряд одноаффиксальных слов (т. е. уникальным элементом является корневая часть). М. В. Панов отмечает, что смысловая определенность элемента находится в прямой зависимости от количества сочетаний, в которых этот элемент встречается. Чем меньше количество таких сочетаний, тем меньше смысловая определенность элемента, и «она полностью превращается в икс при уникальности этого элемента. Икс этот, в сущности, равен нулю»³. Слова с уникальным или редким аффиксом (встречающимся в 2—3 словах с частотой не выше 10 в «Частотном словаре русского языка» под ред. Л. Н. Засориной (М., 1977) включены в группу слов с ослабленной членимостью наряду со словами, в которых вычленение и идентификация морфем затруднены из-за наличия чередований и нехарактерных для структуры существительных префиксов.

Понятие фразеологичности/нефразеологичности семантики производного слова, выдвинутое также М. В. Пановым, позволяет учитывать степень зависимости совокупной семантики слова от семантики составляющих его морфем. Лексические значения слов с нефразеологичной семантикой «полностью складываются из значений составляющих их частей»; фразеологические лексические значения «кроме значения морфем содержат добавочные смысловые компоненты, которых нет ни в значениях производящих основ, ни в значениях производящих аффиксов»⁴. Слова с фразеологичной семантикой неоднородны: можно говорить о большей или меньшей степени идиоматичности семантики⁵. Степень идиоматичности определялась нами с помощью «Словаря русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой (М., 1981—1984). За критерий меньшей или большей степени идиоматичности мы взяли соответственно наличие или отсутствие однокоренного слова к толкуемому в словарной дефиниции.

Количество корневых морфем влияет на степень мотивированности слова: в общем случае слова, семантика которых выражена одной корневой морфемой и аффиксальными, обладают меньшей степенью мотивированности, чем слова, имеющие в своем составе две корневые морфемы, в силу конкретности, «вещности» значения корня и абстрактности значения аффикса. Е. С. Кубрякова отмечает, что, «несмотря на наличие семантической компрессии, значение сложного слова обычно прозрачно из-за весомости полнозначных компонентов композита...»⁶

Для эксперимента были отобраны слова следующих словообразовательных групп: 1) непронизводные слова; 2) слова с ослабленной членимостью; 3) аффиксальные производные первой степени членимости: 3^а — с высокой степенью фразеологичности семантики, 3^б — с низкой степенью фразеологичности, 3^в — с нефразеологичной семантикой; 4) сложные слова.

В ходе эксперимента по внеконтекстной семантизации русских слов иностранным студентам, обучающимся в СССР, были предъявлены 300 существительных, предположительно им неизвестных. Каждое существительное предъявлялось (одновременно в устной и письменной форме) 20 испытуемым. Одному испытуемому предлагалось не более 10 слов в день для письменного определения значения каждого неизвестного слова.

Результаты эксперимента позволяют в каждой группе слов выделить ведущие способы семантизации. (В статье мы рассматриваем только те из них, которые свидетельствуют об обращении испытуемых к системе русского языка.)

1. Для семантизации непронизводных слов характерно установление связей с известным испытуемому словообразовательным гнездом на основе звукового совпадения частей слов: *осетр* — 'от слова сеть'; *решето* — 'связано с глаголом решить/решать'.

Непронизводные слова чаще, чем слова других групп, получали семантизации, происхождение которых трудно объяснить. В основе так называемых случайных ассоциаций в большинстве случаев, по-видимому, лежит сближение не до конца освоенных слов на основе их звукового сходства или отнесение совсем «темного» для испытуемого слова к определенному тематическому полю, включающему большое количество немотивированных или слабо мотивированных слов: названиям растений животных, блюд: *омут* — 'птица'; *ворс* — 'животное'; *плесень* — 'какое-то растение'.

Если основа непронизводного слова по своему звуковому составу совпадает с корнем известного испытуемому глагола, то такое существительное расценивается как его безаффиксальное производное: *сажа* — 'процесс поставления семян в землю'; *страда* — 'от глагола страдать. Это тоска, жалость', т. е. испытуемые пытаются связать предъявленные слова не только со словообразовательным гнездом, но и с моделью.

2. Семантизация слов с ослабленной членимостью путем отнесения к определенному словообразовательному гнезду в большинстве случаев (72,6 %) свидетельствует о верном вычленении и осмыслении корня. Этим способом обычно семантизируются слова с уникальными и редкими аффиксами: *бельмо* — 'что-то белое'; *изголовье* — 'от слова голова'; *плакса* — 'связано с плакать'.

Основы слов с чередованиями и редкими префиксами испытуемые при семантизации часто переразлагают и в соответствии с неверным членением на морфемы пытаются связать предъявленные слова с определенным словообразовательным гнездом и моделью: *сыщик* — 'человек, который насыщен, у которого нет голода'; *простенок* — 'простой человек'; *подчеркица* — 'подчеркнутые слова в тексте'.

3. Семантизация аффиксальных производных первой степени членимости происходит путем лексической конкретизации на основе узнаемого корня и узнаваемой словообразовательной модели. При толковании испытуемые могут ограничиваться семантикой корня и словообразовательной модели, конкретизация фактически отсутствует. Такая широкая семантизация соответствует узуальной, если семантика слова нефразеологична: *хвалитель* — 'тот, кто хвалит кого-нибудь'; *объединитель* — 'тот, кто (то, что) объединяет кого-то, что-то', а если фразеологична, то полученные толкования шире соответствующих узуальных: *качалка* — 'то, что качается'; *блестки* — 'что-то блестящее, маленькое'. В других случаях испытуемые привносят в семантику слова добавочное значение, не имеющее формального выражения. Если такое добавочное значение привносится в слова с неидноматичной семантикой, то слову приписывается более узкое значение, чем оно имеет в действительности: *выдумщик* — 'человек, который что-то дурное выдумывает'; *возбудитель* — 'человек, который возбуждает чувства в ком-нибудь'. Лексическая конкретизация при семантизации слов с фразеологичной семантикой может привести как к узуальной, так и незузуальной семантизации, которые одновременно могут содержаться даже в толковании одного испытуемого: *копеечник* — 'человек, который заботится о каждой копейке, скупой человек или место, где собирают мелочь'.

Незузуальные семантизации слов с низкой степенью фразеологичности в большей мере соответствуют реальному значению, чем незузуальные семантизации слов с высокой степенью фразеологичности. Об этом, в частности, свидетельствуют незузуальные, но возможные в разговорной речи

значения слов, полученные от испытуемых на существительные группы Зб: *волосатик* — 'человек с длинными волосами'; *качалка* — 'что-то вроде кровати, предназначена для качания маленьких детей'.

4. Поиск значения сложного слова происходит в основном в рамках верной идентификации корневых морфем: *однолюб* — 'когда человек любит другого, но не наоборот, или любит только одного человека, никого другого'; *глазомер* — 'таблица, по которой врач проверяет зрение'; *кашевар* — 'посуда для варки каши'. О высокой степени прозрачности сложных слов, кроме большого процента узуальных семантизаций и малого — отрицательных ответов, свидетельствует и фактическое отсутствие случайных ассоциаций. Это, по-видимому, объясняется тем, что в структуре сложного слова легче выделить хотя бы один корень, который может стать отправной точкой для семантизации.

Способы семантизации	Типы строения слова					сложные
	непроизводные	с ослабленной членностью	аффиксальные производные I ст. чл.			
			с высокой фраз.	с низкой фраз.	с нефразсемант.	
Неверная лексическая конкретизация на основе верной идентификации всех компонентов	—	2,6	34,7	43	6	28,8
Семантизация на основе всех вычлененных морфем при неверной идентификации одной или нескольких из них	3,7	4,3	9,4	10,3	10	1,7
Семантизация на основе осмысления корня (-ей)	10,7	37,3	19,9	10,2	12,4	12,9
Случайные ассоциации	7,9	5,5	1,9	1,5	0,6	0
Узуальные семантизации	11,4	15,3	9,6	22,1	60,1	40
Отрицательные ответы	38,6	28,5	12,7	7,9	3,1	5,4
Другие способы семантизации	27,7	6,5	11,8	5	7,8	11,2
Всего, %	100	100	100	100	100	100

Таким образом, способ осознания семантики неизвестного слова в определенной мере зависит от его структуры. В таблице представлены доли ответов, приходящихся на каждый из рассмотренных способов семантизации, в процентном отношении к другим способам по каждой из выделенных групп слов. (В отдельных графах указаны доли отрицательных ответов, т. е. отказов от семантизации, и семантизаций, совпадающих с узуальными. Основную часть ответов, объединенных в графе «Другие способы семантизации», составляют толкования, базирующиеся на фактах родного языка испытуемых; незначительная часть ответов приходится на семантизацию путем отождествления с частично известным словом русского языка и семантизацию путем осмысления аффиксов.)

Для осмысления неизвестного слова значима степень мотивированности его значения строением: количество узуальных семантизаций, полученных в результате лексической конкретизации на основе верной идентификации всех компонентов слова, прямо пропорционально возрастанию мотивированности, а количество отрицательных ответов — обратно пропорционально. В процессе парадигматической семантизации особую значимость приобретает вычленение и осмысление корня, вещественное значение которого задает основное направление поиску семантики неизвестного слова.

¹ Филлмор Ч. Дж. // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. 14. С. 39.

² Русский язык и советское общество: Словообразование современного русского литературного языка / Под ред. М. В. Панова, М., 1968. С. 214—215.

³ Панов М. В. // Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та. М., 1956. Т. 51. Вып. 5. С. 143.

⁴ Ермакова О. П. Лексические значения производных слов в русском языке. М., 1984. С. 5, 6.

⁵ См.: Мельчук И. А. // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. 1968. Т. 27. Вып. 5; Гловинская М. Я. // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова. М., 1975; Ермакова О. П. Указ. раб. С. 25.

⁶ Кубрякова Е. С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. М., 1981. С. 69.

Н. Б. МЕЧКОВСКАЯ, Н. М. ГУРИНА

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ПРЕЗЕНТАЦИИ РЕЧИ И СМЕЖНЫЕ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ

Рефлексия говорящих над процессами языковой коммуникации, с одной стороны, и метаязыковая функция речи, с другой, обуславливают наличие в каждом языке тех или иных средств передачи речи и построения высказываний о языке/речи. Рефлексивность языка (т. е. возможность мысли и речи о языке с использованием его речемыслительных механизмов и лексико-грамматических средств) — это одна из тех семиотических универсалий, которая отличает язык людей от языка животных¹.

В филогенезе наиболее ранние результаты рефлексии над языком закрепляются в древнейшей лексике и фразеологии со значениями (часто синкретичными) 'говорить, спрашивать, отвечать', 'сообщать, знать, понимать, думать', 'сказанное, речь, слово'; в паремииологии²; в мифопоэтических и обиходных представлениях разных народов о языке. Так, согласно реконструкциям Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова, древние индоевропейцы, например, считали, что дар речи, наряду с двуногостью, отличает людей от животных; что боги отличаются от людей (помимо «двуногости», и «небесности») особой пищей и особым языком³. В ведической традиции есть сюжет о первичном состязании между молчаливым божеством чистого разума и богиней речи; разум побеждает, однако за речь признается роль необходимой опоры творящего разума. Для христианской онтологии языка показательно, что в Евангелии от Иоанна Слово (греч. «Логос») означает второе лицо Троицы — Сына Божия; в одном из православных толкований в этой связи говорится: *Слово же в человеке во образ сына божия, понеже сын божии имат у себе два рождения, первое родися от отца неким рождением непостижным..., второе же родися без страсти истинно плотию. ...Того ради по сугубому рождению сына божия и нашего слова сугубое рождение, понеже бо наше слово рождается прежде от душа неким рождением непостижным и пребывает у душа неведомо. И пакы рождается вторым рождением и плотским, еже есть устнами изыдет и гласом в слышании объявится*⁴. Таким образом, по мысли писавшего, слово «двугубо» — духовно и телесно, и духовная сущность слова непостижима, как непостижимо рождение Христа (ср. общепризнанное в современной лингвистике мнение об особой трудности изучения семантики). Как можно видеть, уже на ранних ступенях филогенеза рефлексии над языком были выработаны определенные позитивные представления о языке и поставлены основные вопросы философии языка (язык и сознание; форма и содержание в языке; создающие возможности языка).

В онтогенезе современного человека факты метаязыковой рефлексии возможны на третьем-четвертом году жизни и обычны начиная с пятого-шестого. Метаязыковые операции осуществляются на базе парадигматических механизмов левого полушария⁵. Рефлексия выражается в сопоставлении форм и слов, в отказе от одних форм и слов и предпочтении других, в исправлении чужой или своей речи, в экспликации процесса или результата семантизации какого-то слова и т. п. При этом в одних случаях рефлектирующее сознание может использовать те или иные языковые/речевые средства, в других — обходиться без них. Оба случая широко представлены, например, в книге К. И. Чуковского «От двух до